

ИСПЫТАНИЕ НА ПАТРИОТИЗМ: ГЕРМАНИЯ В ВОСПРИЯТИИ ПРИБАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Бахтурина Александра Юрьевна — доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Россия).

E-mail: a-yu-b@yandex.ru

Scopus Author ID: 55508501500; ORCID: 0000-0003-2202-2246

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Немецкого научно-исследовательского сообщества в рамках научного проекта «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914–1917 гг.» (№ 19-59-12006).

Аннотация. В статье рассматривается отношение прибалтийских немцев к Германии в годы Первой мировой войны. С началом войны прибалтийские немцы вынуждены были определить свое отношение к своей этнической родине Германии, вступившей в войну с Россией. Восприятие прибалтийскими немцами Германии нашло отражение в самых разнообразных источниках, что определило появление диаметрально противоположных оценок. Цель статьи — на основании сравнительного анализа официальных документов МВД, Совета министров, источников личного происхождения, прошений «неприятельских подданных» о получении российского гражданства рассмотреть различные оценки отношения прибалтийских немцев к Германии, формировавшиеся под влиянием самых разнообразных факторов, включая отношение к антинемецким мероприятиям царского правительства, общеимперских мер, вызванных войной, эмоциональных оценок происходящего. Предыдущие исследования рассматривали взгляды прибалтийских немцев преимущественно на основании российской периодической печати и работ националистически настроенных публицистов. Это привело к тому, что вне исследовательского интереса остался сложный процесс поиска прибалтийскими немцами границы между лояльностью Российской империи и отношением к Германии, стране их культуры и родного языка. Настоящая статья направлена на то, чтобы восполнить этот пробел. Исследование показало, что патриотизм прибалтийских немцев не простирался так далеко, чтобы активно и публично демонстрировать неприятие своей исторической родины. Значительная их часть стремилась найти приемлемый баланс между своим российским гражданством и немецким происхождением, при этом отношение прибалтийских немцев к Германии не было единым и зависело от социального происхождения, степени связи с Россией и других причин.

Ключевые слова: Первая мировая война, прибалтийские немцы, пропаганда, Россия, Германия, министерство внутренних дел.

A.Yu. Bakhturina**The Test of Patriotism: Germany in the Perception of the Baltic Germans during the First World War***Alexandra Bakhturina, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).**E-mail: a-yu-b@yandex.ru**Scopus Author ID: 55508501500; ORCID: 0000-0003-1116-4265**The research was carried out with the financial support of the RFBR and the German Research Community within the framework of the academic project "Security and Civil Society in Russia and Germany during the First World War. Correlation of the processes of internment of the civilian population of the belligerent States in 1914–1917" (№ 19-59-12006).*

Abstract. The article examines the attitude of the Baltic Germans towards Germany during the Great War. With the outbreak of the war, the Baltic Germans were forced to define their position towards their ethnic homeland, which had gone into war with the Russian Empire. The Baltic Germans' perception of Germany is reflected in a wide variety of sources, resulting in diametrically opposite assessments. The aim of the article is to provide a comparative analysis of official documents of the Ministry of Internal Affairs, the Council of Ministers, ego-sources, and applications for Russian citizenship from "enemy subjects", to identify different attitudes towards Germany among the Baltic Germans, which were shaped by a variety of factors, including the anti-German activities of the Tsarist government, general imperial measures prompted by the war, and emotional assessment of what was happening. Previous studies have examined the views of the Baltic Germans mainly on the basis of Russian periodicals and the writings of nationalist publicists. This has left the complex process of searching for the boundary between loyalty to the Russian Empire and attitudes towards Germany, the country of their culture and mother tongue, among the Baltic Germans, outside the realm of research interest. This article aims to fill this gap. The study suggests that the patriotism of the Baltic Germans did not extend so far as to actively and publicly demonstrate rejection of their historic homeland. A considerable proportion of the Baltic Germans sought to strike an acceptable balance between their Russian citizenship and their German background, while attitudes towards Germany among them varied, depending on social background, degree of attachment to Russia and other factors.

Keywords: World War I, Baltic Germans, propaganda, Russia, Germany, Ministry of Internal Affairs.

Начало Первой мировой войны для прибалтийских немцев стало временем, когда они оказались перед необходимостью определить свое отношение к Германии как к этнической родине и противнику Российской империи. Общий рост патриотических настроений в стране опосредованно ставил российских немцев в ситуацию, когда они должны были обозначить свое отношение к происходящему, показав себя лояльной частью российского общества. История прибалтийских немцев представляет собой самостоятельное направление в историографии, где весьма подробно исследуется их положение в Российской империи, взаимоотношения с Германией и многие другие аспекты этой проблематики¹. Также в течение многих лет исследуется отношение прибалтийских немцев к России в начале XX в. и особенно в годы Первой мировой войны. В российской историографии на региональном материале неоднократно рассматривалась позиция российских немцев, их отношение к начавшейся войне и антинемецким мероприятиям царского правительства. В значительной части исследований анализировалась позиция немцев-

¹ Андреева Н.С. В борьбе с «русской угрозой»: остзейская эмиграция в период Первой Мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 2. Вып. 4. С. 100–111; Полунин Е.С. Немецкие национальные меньшинства и иммигрантские диаспоры как инструмент политики Германии в период мировых войн // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Воронеж, 2017. С. 65–84.

колонистов и их реакция на ликвидационные законы 1915 г.² В отношении прибалтийских немцев внимание уделяется антинемецкой кампании царского правительства и реакции на нее прибалтийского дворянства³. Восприятие немцами Германии исследовалось преимущественно через их отношение к России или странам Балтии⁴, что объясняется как доминированием официальных точек зрения в имеющихся источниках, показывающих видение проблемы официальными лицами⁵, представителями эстонского и латышского населения, так и сложностью анализа документов, иллюстрирующих позиции самих прибалтийских немцев.

Зарубежные исследователи в целом сходятся во мнении относительно того, что традиционная лояльность прибалтийских немцев в отношении царской власти начинает меняться как под влиянием событий первой русской революции, когда российское правительство, по мнению остзейского дворянства, не достаточно решительно подавляло выступления эстонского и латышского крестьянства, так и ряда других факторов, в том числе политики самодержавия в сфере образования⁶. Подчеркивается, что перечисленные обстоятельства способствовали росту национальной самоидентификации прибалтийских немцев, их сплочению, независимо от социальной принадлежности. При этом нередко выделяется активность немецких общественных организаций в этом направлении, в том числе и женских.

Период Первой мировой войны преимущественно оценивается как время, когда к немцам в России «были применены дискриминационные меры: конфискация собственности, ограничения в гражданских правах и интернирование⁷». По мнению А. Хенрикссона, которое разделяет подавляющее большинство российских и зарубежных исследователей, 1914 г. стал судьбоносным рубежом, когда навсегда изменились «правила политического взаимодействия в балтийском регионе», если до этого любые сомнения в приверженности прибалтийских немцев имперской России «противоречили традициям, чувствам и здравому смыслу», то с августа 1914 г. ситуация начинает стремительно меняться⁸.

Но, несмотря на наличие достаточно устоявшихся точек зрения, позиция прибалтийских немцев в отношении Российской империи нуждается в дальнейшем изучении в силу разнообразия источников по данной проблеме. Оценки прибалтийскими немцами

² Чернова Т.Н. Проблема лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны (в свете новейших исследований) // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности: материалы международной научной конференции. Саратов 14–19 сентября 2004 г. М., 2005. С. 236–245.

³ Белогурова Т.А. Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Смоленск, 2006. С. 93; Андреева Н.С. «Конец немецкому засилью»: прибалтийские немцы и Первая мировая война // Прибалтийские исследования в России. 2015: сборник статей. М., 2015. С. 68–80.

⁴ Виграб Г.И. Прибалтийские немцы: их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем. Юрьев, 1916. С. 138–149; Крупников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX в. – 1945 г.). Рига, 1989; Нелипович С.Г. Проблема лояльности немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941; материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 365–380.

⁵ Нелипович С.Г. Проблема лояльности немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941: материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 337.

⁶ Henriksson A. The Tsar's Loyal Germans: The Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855–1905. Boulder; Colo, 1983; Hagen M. Hochschulnruhen und Regierungspolitik im russischen Reich vor 1914 // Die Universitäten Dorpat/Tartu, Riga und Wilna/Vilnius, 1579–1979. Köln, 1987. S. 51–69.

⁷ Каннелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000. С. 257; Лоп Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М., 2017. С. 205–212.

⁸ Henriksson A. Vassals and citizens: the Baltic Germans in Constitutional Russia, 1905–1914. Marburg, 2009. С. 179.

Первой мировой войны, их отношения к России присутствуют как в официальных документах, так и в источниках личного происхождения, среди которых выделяются дневниковые записи, не свободные от эмоциональных, субъективных оценок, отчеты и записки чинов МВД, прошения прибалтийских немцев, адресованные в губернские администрации и на высочайшее имя. Различия в трактовках военной ситуации, политики России в отношении немцев, находившихся на территории империи, представителями российской администрации, немецкого дворянства, горожан указывают на необходимость сравнительного анализа различных групп источников, который позволит выделить и объяснить наиболее значимые оценки Германии прибалтийскими немцами, нашедшие отражение в этих документах.

«ПРИБАЛТИЙСКИЕ НЕМЦЫ ... НЕ ВЫШЛИ ЗА ПРЕДЕЛЫ ХОЛОДНОЙ КОРРЕКТНОСТИ»

Первые заявления от имени прибалтийских немцев об их отношении к войне были сделаны с думской трибуны 26 июля 1914 г. Депутат от Курляндской губернии, член «Союза 17 октября» барон Г.Е. Фелькерзам от имени своих «ближайших политических друзей» заявил, что «верноподданное немецкое население прибалтийского края всегда готово встать на защиту престола и отечества» и «по примеру наших предков готовы жертвовать жизнью и имуществом за единство и величие России». Но на этом же заседании Думы в выступлении другого депутата от Курляндской губернии Я. Гольдмана прозвучало указание на противоречия между прибалтийскими немцами и латышским и эстонским населением и призыв к гражданскому миру на период войны: «У нас много счетов с нашими прибалтийскими немцами, но мы не будем теперь с ними считаться»⁹.

Граница между населением прибалтийских губерний, обозначенная в выступлениях думских депутатов, не была мирной: латышское и эстонское население массово обвиняло немцев в симпатиях к Германии и шпионаже в пользу последней. Итак, первая трактовка отношения прибалтийских немцев к Германии принадлежала представителям эстонского и латышского населения, опиралась на многочисленные слухи и нашла отражение в таких же многочисленных доносах.

Значительное число заявлений летом—осенью 1914 г. поступало в Главное управление Генерального штаба. В них сообщалось о попытках прибалтийских немцев взорвать железнодорожные мосты, о том, что «немцы-помещики сигнализируют немецким аэропланам условным освещением из своих замков»¹⁰, т.е. всячески помогают противнику. Обилие доносов, авторами которых были представители латышского и эстонского населения, потребовало проверок как со стороны военных властей, так и жандармерии. В сентябре 1914 г. начальник отдельного корпуса жандармов ротмистр Роговский сообщал, что «в своем стремлении послужить делу борьбы с немецеством эстонцы приняли на себя добровольно обязанности сыска в деле выяснения неблагонадежности немцев, внося в это... много страстности и мало такта и правдоподобности... Расследования, произведенные по каждому отдельному заявлению, не давали ни разу результатов», подтверждающих немецкий шпионаж и помощь германским войскам¹¹.

Мысль о том, что прибалтийские немцы сочувствуют Германии в начале войны, активно проводила латышская и эстонская периодическая печать. Помимо широко известных и часто привлекаемых исследователями статей о немецком шпионаже, публиковались и сведения другого рода. Например, Ревельский вестник 6 октября 1914 г. сообщал¹², что барон Унгерн

⁹ Стенографический отчет о заседании Государственной Думы 26 июля 1914 г. // Известия Министерства иностранных дел. Кн. V. Пг., 1914. С. 20.

¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 13—13 об.

¹¹ Там же. Л. 80—80 об.

¹² Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1211. Л. 229.

Штернберг в своем завещании от 19 октября 1912 г., обращаясь к сыну, говорит: «Оставайся верным сыном своей немецкой родины». Сразу отметим, что ни один из известных представителей этого баронского рода в 1912 г. не умер, поэтому идентифицировать автора завещания на данный момент не представляется возможным, что вызывает сомнения в достоверности газетного сообщения.

Одновременно в прибалтийских губерниях начинается высылка немцев — граждан Германии и Австро-Венгрии. Организация этой кампании силами прибалтийских губернских администраций вызвала массу вопросов в Министерстве внутренних дел, в том числе и вопрос об отношении прибалтийских немцев к высылаемым гражданам Германии, что вполне могло рассматриваться как проявление симпатий к Германии в целом, а также и об их лояльности к России.

Для проверки массовых сообщений о немецком шпионаже, злоупотреблениях лифляндской, эстляндской и курляндской администраций в связи с высылками германских и австро-венгерских подданных из Прибалтики туда был направлен член Совета министра внутренних дел Н.П. Харламов. Также прибалтийские губернии с инспекционной поездкой посетил товарищ министра внутренних дел В.Ф. Джунковский.

В начале сентября 1914 г. он посетил Ригу, Ревель и Митаву. Изучая настроения прибалтийских немцев, Джунковский отметил, что с началом войны «прибалтийские немцы в большинстве своем не сумели или не хотели считаться с настроением страны, и не вышли за пределы холодной корректности, давая в то же время некоторыми действиями повод к серьезным на себя нареканиям»¹³.

Доклад Джунковского не только характеризовал отношение прибалтийских немцев к Германии, но и недвусмысленно указывал на то, какого рода заявлений и действий ожидает правительство от прибалтийских немцев. Особое значение придавалось внешней стороне вопроса, в том числе участию в манифестациях и заявлениям в периодической печати. В этом смысле, по мнению Джунковского, активность немцев была недостаточной. В Лифляндской и Эстляндской губерниях «нельзя не отметить также заметного воздержания немцев от участия в патриотических манифестациях, имевших место после объявления войны», «немецкая часть населения уклоняется от участия в патриотических манифестациях»¹⁴. Также Джунковский высказал претензии к немецкой прессе, которая «в большинстве своем, помещает статьи патриотического характера с пожеланиями победы русскому оружию, но в то же время бросается в глаза умолчание о зверствах и насилиях германской армии, волнующих и возмущающих всю Россию. В этом умолчании как местные жители, так и русская пресса справедливо видят нежелание или даже психологическую невозможность для балтийских немцев осуждать армию, созданную культурой народа, родственного им по крови и по единству духа»¹⁵.

Заявление Джунковского находит подтверждение в других документах личного происхождения, показывающих, насколько сложно прибалтийским немцам было оценить действия Германии.

В начале войны из Германии массово были высланы российские граждане. Высылка сопровождалась враждебными заявлениями и демонстрациями¹⁶. Об этом подробно писала российская пресса, но поверить в это прибалтийским немцам было крайне сложно.

¹³ РГВИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 4 об.

¹⁴ Там же. Л. 6.

¹⁵ Там же. Л. 4.

¹⁶ *Абдрашитов Э.Е., Крючков И.В.* Положение россиян в Германии в августе 1914 года (по материалам отечественной публицистики) // История и историческая память. 2011. № 4. С. 66–86; *Богомолов И.К.* Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле-октябре 1914 г. // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 143–160; *Ростиславлева Н.В.* «Был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2020. № 3 (65). С. 81.

В дневниковых записях дочери владельца имения «Вандзен» в Курляндской губернии Риты Гейкинг встречаются такие заключения: «Газеты передают теперь зверства немцев по отношению к русским подданным в Германии, почерпанные из так называемой “Черной книги”. Мне кажется, что даже не половина всех этих рассказов правда, и что часто русские ...сами подали повод для дурного обращения вследствие слишком самонадеянного поведения и нахальства»¹⁷.

«В ОТНОШЕНИИ ГЕРМАНСКИХ ПОДДАННЫХ ... МЕСТНЫЕ НЕМЦЫ ПРОЯВЛЯЮТ НЕ ТОЛЬКО ТЕРПИМОСТЬ, НО И ЯВНОЕ СОЧУВСТВИЕ»

Помимо отношения к Германии как противнику Российской империи, прибалтийские немцы уже в начале войны оказались перед необходимостью определить свое отношение к немцам — гражданам Германии и Австро-Венгрии, а также к австрийским военнопленным, которые уже в первые месяцы войны оказываются на территории прибалтийских губерний.

К немцам — гражданам Германии и Австро-Венгрии, по мнению Джунковского, отношение было чрезмерно лояльным, вступавшим в противоречия с правительственными распоряжениями. Джунковский отмечал, что в отношении германских подданных, число которых в прибалтийских губерниях весьма значительно, особенно в Лифляндской губернии, «местные немцы проявляют не только терпимость, но и явное сочувствие»¹⁸.

Общественные организации, за отдельными исключениями, «не удаляют названных подданных из своей среды, и наблюдались неоднократно случаи горячего заступничества за лиц военнообязанных, подлежащих аресту и высылке из края»¹⁹.

Особое внимание привлек член Государственного совета по выборам, Лифляндский губернский предводитель дворянства барон А.А. Пилар фон Пильхау своими ходатайствами об отмене высылки из Эстляндской губернии неприятельских подданных, работавших на Даго-Кертельской суконной фабрике, находившейся в районе морской крепости императора Петра Великого. Джунковский отдельно отметил этот факт в своем докладе²⁰. Но в данном случае А.А. Пилар фон Пильхау, вероятно, беспокоила не только судьба германских подданных, но и возникшая угроза работе фабрики, совладельцем которой он был.

Деятельность барона фон Пильхау через несколько месяцев привлекла внимание военной контрразведки. Барону инкриминировали участие в создании «тайной немецкой администрации». Позднее генерал М.Д. Бонч-Бруевич отмечал, что «было установлено, что в случае оккупации края созданная бароном администрация будет хозяйничать до тех пор, пока Прибалтика окончательно не войдет в состав Германской империи»²¹. В Совете министров весьма скептически отнеслись к мысли о том, что барон, член Государственного совета, отец, чьи дети сражаются в рядах русской армии, может быть сторонником Германии. При обсуждении в Совете министров письма начальника Штаба Ставки генерала М.В. Алексеева о «вредной деятельности барона» военный министр А.А. Поливанов сказал: «Сын его убит на войне. Бонч-Бруевич мутит»²².

В октябре 1914 г. эстонская газета «Tallina Teataja» опубликовала сообщение о том, что «в деревнях Эстляндской губернии пасторы продолжают собирать пожертвования в пользу немецких миссий, увещевая население не жалеть денег на человеколюбивое

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. Д-4. 1914 г. Оп. 123. Д. 143. Т. 3. Л. 120 (документ предоставлен сотрудником ГАРФ А.М. Лавреновой).

¹⁸ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 4.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 75.

²² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999. С. 305, 314, 413.

дело»²³. Автор статьи указывал, что деньги, собранные для Лейпцигского миссионерского общества и еще не отосланные по назначению, необходимо конфисковать, передав их затем в распоряжение Красного Креста²⁴. Публикация оказалась в поле зрения председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, который обратил на нее внимание министра внутренних дел Н.А. Маклакова. Организация помощи миссиям нарушала циркуляр МВД от 16 октября 1914 г. «О запрещении сбора пожертвований в пользу иностранных миссионерских обществ». В отличие от многих других статей, нередко содержавших ложные сведения, эти данные подтвердились, что стало причиной высылки пасторов из Эстляндской губернии в Сибирь.

Эстляндский губернский предводитель дворянства барон Э. Деллинсгаузен в ноябре 1915 г. обратился к министру внутренних дел А.Н. Хвостову с ходатайством о пересмотре дел пятнадцати высланных немецких пасторов и трех баронов. Факты, приводимые Деллинсгаузеном, сводились к тому, что трое пасторов были высланы без объяснения причин, остальные двенадцать «за вредную деятельность и явное сочувствие интересам воюющих с Россией держав». В связи с этим к товарищу министра внутренних дел В.М. Волконскому также обращался Эстляндский губернский предводитель дворянства и член Государственной Думы от Эстляндской губернии К.Н. фон Бреверн. Он ходатайствовал о высланных в Иркутск лютеранских пасторах, нарушивших запрет МВД на сбор пожертвований²⁵.

Отношение прибалтийских немцев к соотечественникам, сражавшимся на стороне Германии, вызывало самое пристальное внимание официальных лиц. Уже в сентябре 1914 г. в упоминавшемся докладе Джунковского говорилось, что «особенно тягостное и невыгодное для прибалтийского дворянства впечатление производит ... факт службы членов знатных немецких фамилий в рядах германской армии... Тот факт, что все названные лица получили одновременно... право перейти в гражданство Германии, не может успокоить общественное мнение и не изменяет тяжелого нравственного значения события, свидетельствуя о легкости, с которой оставляют подданство России члены немецких фамилий»²⁶.

В 1916 г. к этой теме обратился министр юстиции И.Г. Щегловитов, выступив на заседании Государственного совета с заявлением, что члены семей представителей прибалтийского дворянства «сражаются в рядах наших врагов и мы не слышим, чтобы эти изменники были вычеркнуты из матрикул прибалтийского дворянства»²⁷. Безусловно, требовались ответные заявления, показывающие отношение прибалтийских немцев к соотечественникам, сражающимся на стороне Германии. В ответ на выступление Щегловитова к нему обратился Курляндский губернский предводитель дворянства, член Государственного совета по выборам В.Е. Рейтерн-Нолькен, заявивший, что в германской армии прибалтийских дворян нет. Те, кто сражается в ее рядах, например, бароны Засс, Фиркс и Радены, получили германское гражданство и вступили в германскую армию еще до начала войны.

В своем письме Щегловитову Рейтерн-Нолькен всячески стремился найти оправдание немецким баронам — бывшим гражданам России: «И как им, вероятно, ни тяжело было сражаться против бывших своих земляков и даже против родства своего, они не могли уклоняться от исполнения своего долга. Их можно жалеть, но не укорять, и применение к ним эпитета “изменники” — несправедливо и недопустимо»²⁸.

²³ РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 1211. Л. 228.

²⁴ Там же.

²⁵ Записка К.Н. Бреверна В.М. Волконскому // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 302. Д. 226 б. Л. 10–12 об. (документ предоставлен сотрудником ГАРФ А.М. Лавреновой).

²⁶ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 4–4 об.

²⁷ Там же. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 1009. Л. 2 об.

²⁸ Там же. Л. 4.

В целом в отношении соотечественников, находящихся теперь за линией фронта, прибалтийские немцы занимали примирительную позицию. Мнение официальных лиц, что прибалтийские немцы с начала войны, «замкнувшись в своей любви к германской культуре... проявляют ... двойственность духа, как бы разделяющую их между долгом по отношению к русскому государству и сердечной приверженностью их к своему народу как носителю культуры, признаваемой им наивысшей в мире»²⁹ и, хотя налицо лояльность прибалтийских немцев, «нельзя не придавать значения расовым инстинктам»³⁰, подтверждается письмами и ходатайствами самих прибалтийских немцев, показывающими, насколько сложен, а подчас невозможен был решительный разрыв между немцами — гражданами России и Германии.

«ПОВЕДЕНИЕ СЕРБИИ НАЗЫВАЛОСЬ НЕДОСТОЙНЫМ, НЕ ЗАСЛУЖИВАВШИМ ЗАСТУПНИЧЕСТВА РОССИИ»

Свое отношение к Германии и начавшейся летом 1914 г. войне прибалтийские немцы выражали, оценивая причины мирового конфликта. Особое внимание придавалось действиям Сербии летом 1914 г. Значительная часть прибалтийских немцев, что подтверждается как официальными документами, так и источниками личного происхождения, считала, что действия Сербии привели к войне, и, поддерживая Россию, немцы опосредованно одобряют сербских политиков, что невозможно и недопустимо. Характеризуя ситуацию в Эстляндской губернии, Джунковский отмечал, что «некоторые представители немецкого общества позволяли себе иногда публично высказывать мнения, явно противоречащие общему настроению России. Так, например, выражались сомнения в возможности победы над Германией, а поведение Сербии называлось недостойным, не заслуживавшим заступничества России...»³¹.

Аналогичное утверждение встречается в дневнике Риты Гейкинг: «Для нас, балтийцев, война просто ужасна. Воодушевления нет, так как дело, с нашей точки зрения, неправое; стоять на стороне сербов, этой шайки убийц, для нас может быть только невозможным положением, а все-таки мы должны участвовать, будучи русскими подданными»³².

«НЕ ИМЕЕТ С ГЕРМАНИЕЙ НИКАКИХ СВЯЗЕЙ, КРОМЕ ТОЛЬКО ФОРМАЛЬНЫХ»

Прибалтийских немцев помимо языка с исторической родиной связывали формальные гражданские связи. Значительная часть прибалтийских немцев имела или российское, или германское гражданство, а дети до наступления совершеннолетия нередко не имели гражданства вообще. Ограничения, высылки и аресты, начавшиеся на территории прибалтийских губерний с началом войны, затронули в 1914 г. лиц с германским и австрийским гражданством, включив их в число неприятельских подданных. В начале войны начинается высылка из прибалтийских губерний военнообязанных немцев — мужчин, граждан Германии и Австро-Венгрии. Они и члены их семей стремились добиться отмены высылки или получения отсрочки, подавая прошения губернаторам. Одновременно подавались прошения на высочайшее имя с просьбами о предоставлении российского гражданства, на получение которого многие из них имели полное право, прожив в России пять и более лет. В прошениях в тех или иных формах формулировалось отношение просителей к Германии. С одной стороны, имели место заявления о том, что проситель, гражданин Германии, «связей с Германией никогда не имел»³³, так как родился в России или прожил в ней много лет, и не имеет «с Германией никаких связей, кроме только формальных»³⁴.

²⁹ РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 101. Л. 79.

³⁰ Там же. Л. 7.

³¹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 6 об.

³² ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1914 г. Оп. 123. Д. 143. Т. 3. Л. 120.

³³ Латвийский исторический архив. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2552. Л. 15.

³⁴ Там же.

С другой стороны, для лиц, проживших в России недолгое время, такая патетика была несвойственна. Например, в прошении Георгия Пластика говорилось: «До 1904 г. проживал в Германии, а с 1904 г. перешел на жительство в Россию, имение Штоксмангоф Рижского уезда..., а через 2 года перешел на жительство в имение Фетельн Венденского уезда, здесь уже проживаю 8 лет... Женился на крестьянке... Как проживающий в России около 10 лет и установивший в России постоянное свое хозяйство и не желая больше перейти обратно на жительство в Германию, ввиду желания остаться всеподданнейшим российским подданным и подчиняющимся всем существующим в России законоположениям». Проситель ни в какой форме не заявлял о своем отношении к Германии, подчеркивая, что он не желает возвращаться на родину и хочет стать российским гражданином из-за своих хозяйственных и семейных дел³⁵.

Прошения немцев о предоставлении гражданства писались с целью убедить власти в своей лояльности и отсутствии каких-либо связей и интересов в Германии, поэтому невозможно с полной уверенностью говорить об искренности заявлений, сделанных в сложной ситуации, диктовавшей необходимость отречения от своей гражданской и этнической родины.

Часть немцев — германских подданных — вообще никак свою позицию в отношении Германии не выражала, стремясь скрыть свое происхождение и гражданскую принадлежность. Так, в переписке Маргариты Тырман с ее отцом, гражданином Германии, высланным из Прибалтики в Самару, автор сообщает лишь о трудностях, связанных с ожиданием получения российского гражданства и необходимостью скрывать свой статус, чтобы не лишиться работы³⁶.

«НЕНАВИСТЬ ПРОТИВ ВСЕГО НЕМЕЦКОГО ПРОИЗВОДИТ СТРАННЫЕ ПЛОДЫ»

Серьезным испытанием для лояльности прибалтийских немцев с началом Первой мировой войны стали общеимперские и губернские распоряжения относительно использования немецкого языка и деятельности немецких общественных организаций.

В ноябре—декабре 1914 г. Николай II утвердил два положения Совета министров «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений» и «О некоторых мерах в отношении подданных воюющих с Россией держав». Первое положение предусматривало прекращение членства неприятельских подданных в общественных и иных организациях, а второе предписывало закрыть все организации, созданные неприятельскими подданными. Но параллельно министр внутренних дел Н.А. Маклаков 30 ноября 1914 г. издал циркуляр, позволявший губернской администрации закрывать немецкие общества, состоящие из русских подданных. Министр внутренних дел предлагал закрывать общества, преследующие цели «объединения немецкого элемента на почве узконациональных интересов и... проведения германских национальных тенденций»³⁷.

Ранее, до появления общеимперских актов о закрытии немецких обществ, министр народного просвещения Л.А. Кассо издал распоряжение о закрытии «Эстляндского немецкого общества распространения образования», занимавшегося организацией школ с преподаванием на немецком языке³⁸. Такой подход вызывал негативную реакцию: «Ненависть против всего немецкого производит странные плоды... В Ревеле закрыто “Немецкое общество юношей” административным порядком, хотя оно выказало только

³⁵ Национальный архив Латвии. Латвийский государственный исторический архив. Ф. 3. Оп. 5. Д. 2552. Л. 77.

³⁶ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 253. Оп. 10. Д. 503. Л. 47.

³⁷ Туманова А.С. Общественные организации в России. Правовое положение 1860—1930-е гг. М., 2019. С. 390.

³⁸ РГВИА. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 8. Л. 8.

благотворную деятельность и, наверное, не занималось антирусской политикой», — говорилось в дневниковой записи Р. Гейкинг от 18 августа 1914 г.³⁹

Антинемецкие распоряжения затрагивали всех без исключения прибалтийских немцев, независимо от их отношения к войне, Германии и России. Одновременно разворачивалась антинемецкая кампания в российской периодической печати. Если антинемецкие высказывания эстонской и латышской прессы, общественности были объяснимы сложными межнациональными отношениями в регионе, то к российской прессе отношение было иным. Особенно активны были корреспонденты «Нового времени», регулярно сообщая о симпатиях прибалтийских немцев к Германии. Безусловно, что ничего, кроме отторжения, они вызвать не могли. «Балтийцы, все без исключения явились на призыв и теперь пролят свою кровь за Россию, а это им благодарность. “Новое Время” и “Вечернее Время” ежедневно публикуют самые отвратительные антинемецкие статьи, ложные доносы»⁴⁰, — писала Р. Гейкинг летом 1914 г.

* * *

Отношение прибалтийских немцев к Германии и, соответственно, к России не было единым. Одна часть, по свидетельству Эстляндского губернатора майора И.В. Коростовца, «оправившись от первого смущения, вызванного объявлением Германией войны России, примкнула к общему делу и остается верной гражданскому долгу»⁴¹. Другие все больше симпатизировали Германии. Имеющиеся источники позволяют говорить о том, что симпатии к Германии нередко рождались в среде прибалтийского немецкого дворянства, страдавшего не только от антинемецкой пропаганды, но и от общеимперских экономических действий, вызванных войной. Например, очевидным было недовольство начавшейся уже летом 1914 г. конфискацией части крупного рогатого скота и лошадей в помещичьих имениях. Немецкоязычная интеллигенция оказалась более лояльно настроенной к России и не стремилась демонстрировать свои симпатии Германии. Различие позиций прибалтийских немцев в отношении к Германии стало особенно заметным после оккупации Курляндии осенью 1915 г., когда многие по-прежнему сохраняли традиционную верность императорскому дому и России, другие «еще до войны начали освобождаться от привязанности к царской империи» и постепенно переориентировались на кайзеровскую Германию⁴².

Восприятие Германии прибалтийскими немцами было более масштабным, чем отношение к просто государству — противнику России в Первой мировой войне. Германию олицетворяли германские граждане — жители Российской империи, военнопленные и немецкие организации. На Германию, воевавшую на два фронта, прибалтийские немцы смотрели как на противника на Востоке и сочувствовали ей в борьбе на Западе. Взгляды прибалтийских немцев, зафиксированные в официальных документах и источниках личного происхождения, однозначно указывают на то, что гражданская лояльность прибалтийских немцев Российской империи нередко соседствовала с сочувствием немецкому народу. На протяжении войны прибалтийские немцы выражают сочувствие соотечественникам, проживающим в Прибалтике, но имеющим германское или австро-венгерское гражданство. Патриотизм прибалтийских немцев не простирался так далеко, чтобы активно и публично демонстрировать неприятие своей исторической родины. При этом значительная часть прибалтийских немцев стремилась найти приемлемый баланс между своим российским гражданством и немецким происхождением, но нередко ситуацию усугубляли антинемецкие мероприятия, направленные первоначально против военнообязанных граждан Германии и Австро-Венгрии, что было вполне объяснимо, но потом распространившиеся

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1914 г. Оп. 123. Д. 143. Т. 3. Л. 120.

⁴⁰ Там же. Л. 121.

⁴¹ РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 65. Л. 6 об.

⁴² Крупников П.Я. Полвека истории Латвии глазами немцев. Рига, 1989. С. 152–153.

и на российских немцев. Особенное недовольство вызывали антинемецкие статьи российской прессы и кампании, развернутые против немцев латышами и эстонцами. Меры, принятые зимой 1914–1915 гг. царским правительством и местными губернскими властями для стабилизации конфликтной ситуации в Прибалтике, не были восприняты как достаточные. Проблему осложняло расхождение в подходах между гражданской и военной властью. Военное командование, исходившее из интересов безопасности тыла русской армии в прифронтовой полосе, с большим недоверием относилось к лицам немецкого происхождения. Попытки Совета министров сгладить ситуацию не всегда имели успех, но, по мнению прибалтийских немцев, это означало, что царское правительство должным образом не оценило их многолетнюю лояльность и поддержку самодержавия в трудных внутрисполитических событиях начала XX в.

Библиография

- Абдрашитов Э.Е., Крючков И.В.* Положение россиян в Германии в августе 1914 года (по материалам отечественной публицистики) // История и историческая память. 2011. № 4. С. 66–86.
- Андреева Н.С.* В борьбе с «русской угрозой»: остзейская эмиграция в период Первой Мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 2. Вып. 4. С. 100–111.
- Андреева Н.С.* «Конец немецкому засилью»: прибалтийские немцы и Первая мировая война // Прибалтийские исследования в России. 2015: Сборник статей. М., 2015. С. 68–80.
- Белогурова Т.А.* Русская периодическая печать и проблемы внутренней жизни страны в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Смоленск, 2006.
- Богомолов И.К.* Русские подданные в Австро-Венгрии и Германии в июле–октябре 1914 г. // Россия и современный мир. 2017. № 2 (95). С. 143–160.
- Бонч-Бруевич М.Д.* Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957.
- Виграб Г. И.* Прибалтийские немцы: их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем. Юрьев, 1916.
- Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 2000.
- Крупников П.Я.* Полвека истории Латвии глазами немцев (конец XIX в. – 1945 г.). Рига, 1989.
- Лор Э.* Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М., 2017.
- Нелипович С.Г.* Проблема лояльности немцев в конфликтах XX века: историография вопроса и круг источников // Немцы России и СССР. 1901–1941: материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 365–380.
- Полунин Е.С.* Немецкие национальные меньшинства и иммигрантские диаспоры как инструмент политики Германии в период мировых войн // Феномен мировых войн в истории XX века: материалы Всероссийской научно-теоретической конференции. Воронеж, 2017. С. 65–84.
- Ростиславлева Н.В.* «Был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52»: о статусе русских в Германии в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2020. № 3 (65). С. 79–97.
- Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова. СПб., 1999.
- Туманова А.С.* Общественные организации в России. Правовое положение. 1860–1930-е гг. М., 2019. 479 с.
- Чернова Т.Н.* Проблема лояльности и толерантности российских немцев в годы Первой мировой войны (в свете новейших исследований) // Российские немцы в инонациональном окружении: проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. Материалы международной научной конференции. Саратов 14–19 сентября 2004 г. М., 2005. С. 236–245.
- Hagen M.* Hochschulnruhen und Regierungspolitik im russischen Reich vor 1914 // Die Universitäten Dorpat/Tartu, Riga und Wilna/Vilnius, 1579–1979. Köln, 1987. S. 51–69.
- Henriksson A.* Vassals and citizens: the Baltic Germans in Constitutional Russia, 1905–1914. Marburg, 2009.
- Henriksson A.* The Tsar's Loyal Germans: The Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855–1905. Boulder; Colo, 1983.

References

Abdrashitov E.E., Kryuchkov I.V. Polozhenie rossiyan v Germanii v avguste 1914 goda (po materialam otechestvennoj publicistiki) [The situation of Russians in Germany in August 1914 (based on the materials of

Russian journalism] // *Istoriya i istoricheskaya pamyat'* [History and historical memory]. 2011. № 4. S. 66–86. (In Russ.)

Andreeva N.S. “Konec nemeckomu zasil'yu”: pribaltijskie nemcy i Pervaya mirovaya vojna [“The end of German dominance”: Baltic Germans and the First World War] // *Pribaltijskie issledovaniya v Rossii*. 2015: Sbornik statej [Baltic Studies in Russia. 2015: Collection of articles]. Moskva, 2015. S. 68–80. (In Russ.)

Andreeva N.S. V bor'be s “russkoj ugrozoy”: ostzejskaya emigraciya v period Pervoj Mirovoj vojny [In the fight against the “Russian threat”: Russian emigration during the First World War] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University]. 2015. Ser. 2. Vyp. 4. S. 100–111. (In Russ.)

Belogurova T.A. Russkaya periodicheskaya pechat' i problemy vnutrennej zhizni strany v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – fevral' 1917 gg.) [The Russian periodical press and the problems of the internal life of the country during the First World War (1914 – February 1917)]. Smolensk, 2006. (In Russ.)

Bogomolov I.K. Russkie poddannye v Avstro-Vengrii i Germanii v iyule-oktyabre 1914 g. [Russian subjects in Austria-Hungary and Germany in July–October 1914] // *Rossiya i sovremennyy mir* [Russia and the modern world]. 2017. № 2 (95). S. 143–160. (In Russ.)

Bonch-Bruevich M.D. Vsyaya vlast' Sovetam. Vospominaniya [All power to the Soviets. Memories]. Moskva, 1957. (In Russ.)

Chernova T.N. Problema loyality i tolerantnosti rossijskih nemcev v gody Pervoj mirovoj vojny (v svete novejshih issledovanij) [The problem of loyalty and tolerance of Russian Germans during the First World War (in the light of the latest research)] // *Rossijskie nemcy v inonacional'nom okruzenii: problemy adaptacii, vzaimovliyaniya, tolerantnosti: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Saratov, 14–19 sentyabrya 2004 g. [Russian Germans in a foreign environment: problems of adaptation, mutual influence, tolerance: materials of the international scientific conference. Saratov, September 14–19, 2004]. Moskva, 2005. P. 236–245. (In Russ.)

Kappeler A. Rossiya – mnogonacional'naya imperiya. Voznikovenie, istoriya, raspad [Russia – Multi-national Empire. Origin, history, decay]. Moskva, 2000. (In Russ.)

Krupnikov P.Ya. Polveka istorii Latvii glazami nemcev (konec XIX v. – 1945 g.) [Half a century of Latvian history through the eyes of Germans (late 19th century – 1945)]. Riga, 1989. (In Russ.)

Lor E. Rossijskoe grazhdanstvo: ot imperii k Sovetskому Soyuzu [Russian Citizenship: from the Empire to the Soviet Union]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Nelipovich S.G. Problema loyality nemcev v konfliktah XX veka: istoriografiya voprosa i krug istochnikov [The problem of German loyalty in the conflicts of the 20th century: historiography of the issue and the range of sources] // *Nemcy Rossii i SSSR. 1901–1941: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Germans of Russia and the USSR. 1901–1941: materials of the International scientific conference]. Moskva, 2000. S. 365–380. (In Russ.)

Polunin E.S. Nemeckie nacional'nye men'shinstva i immigrantskie diaspory kak instrument politiki Germanii v period mirovyh vojn [German national minorities and immigrant diasporas as an instrument of German policy during the World Wars] // *Fenomen mirovyh vojn v istorii XX veka: materialy Vserossijskoj nauchno-teoreticheskoy konferencii* [The phenomenon of world wars in the history of the 20th century: materials of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference]. Voronezh, 2017. S. 65–84. (In Russ.)

Rostislavleva N.V. “Byl vse eti nezabyvaemye gody grazhdanskim plennym № 52”: o statuse russkih v Germanii v gody Pervoj mirovoj vojny [“I was a civilian prisoner № 52 all these unforgettable years”: about the status of Russians in Germany during the First World War] // *Novyy istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin]. 2020. № 3 (65). S. 79–97. (In Russ.)

Sovet ministrov Rossijskoj imperii v gody Pervoj mirovoj vojny. Bumagi A.N. Yahontova [The Council of Ministers of the Russian Empire during the First World War. Papers of A.N. Yakhontov]. Sankt-Peterburg, 1999. (In Russ.)

Tumanova A.S. Obshchestvennye organizacii v Rossii. Pravovoe polozhenie. 1860–1930-e gg. [Public organizations in Russia. The legal situation of the 1860–1930]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Vigrab G.I. Pribaltijskie nemcy: ih otnoshenie k russkoj gosudarstvennosti i k korennomu naseleniyu kraja v proshlom i nastoyashchem [Baltic Germans: their attitude to Russian statehood and to the indigenous population of the region in the past and present]. Yur'ev, 1916. (In Russ.)

Hagen M. Hochschulunruhen und Regierungspolitik im russischen Reich vor 1914 // *Die Universitäten Dorpat/Tartu, Riga und Wilna/Vilnius, 1579–1979*. Köln, 1987. S. 51–69.

Henriksson A. Vassals and citizens: the Baltic Germans in Constitutional Russia, 1905–1914. Marburg, 2009.

Henriksson A. The Tsar's Loyal Germans: The Riga German Community, Social Change and the Nationality Question, 1855–1905. Boulder; Colo, 1983.